

А. П. Черных
(Москва)

ЭДИКТ 1696 ГОДА В ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ*

Эдикт 1696 года – известное событие в истории геральдики. Декларированная цель этого эдикта Людовика XIV – «исправить многочисленные нарушения в геральдике», в области бризур, шлемовых эмблем, перемен и узурпаций гербов. Будучи документом королевского администрирования, эдикт имел и иные, не декларируемые цели – чисто фискальные. Финансовое положение королевства было ужасающим. Военные долги после войн с Аугсбургской Лигой, начавшихся в 1689 году, заставили выгрести по всему королевству серебро до такой степени, что слой памятников материальной культуры из этого благородного металла для второй половины XVII века во Франции просто отсутствует. Эдикт стал средством, одним среди прочих, наполнить опустевшую государственную казну¹. Но «фискальное» клеймо отвратило многих интересоваться этим источником.

Одно время эдикт 1696 года расценивался как побуждающий возможно большее число ротюрье обзавестись гербами². Судя только по риторике эдикта может сложиться впечатление попытки привести ношение гербов к строгим и определённым правилам. Однако за пределами преамбулы авторов закона более всего волновала организационная сторона мероприятия, а не декларированная геральдическая.

Если отвлечься от финансовой подоплёки эдикта, то вызывают немалое удивление сроки исполнения его требований: всё должно быть представлено и уплачено в течение месяца или двух. К концу XVII века гербы во Франции существовали уже почти шестьсот лет, воспринимались как само собой разумеющаяся обыденность, и никакой необходимости подобной невероятной спешки в их регистрации не было и быть не могло. Это, конечно, был явный «налог на воздух». Именно так должны были отнестись к подобному указу, и в первую очередь – обладатели гербов.

Эдикт 1696 года – не первый в череде посвящённых гербам постановлений и прочих законодательных актов XVI–XVII веков. Не вдаваясь в подробности, замечу, что все они пытались регулировать лишь частные иерархические различия в гербе, ограничения и узурпации.

В 1487 году на смену гербовому королю, якобы пренебрегавшему обязанностями, создали должность гербового маршала с теми же функциями. Если отмечать узурпации гербов гербовый король ещё мог, то бороться с узурпациями статуса ему было явно не по силам. За этим последовала череда постановлений XVI века (1555, 1560, 1579, 1583, 1598),

* В настоящей статье сохранено авторское использование буквы «ё». – *Примеч. ред.*

которые касались именно узурпаций и грозили не более чем штрафами: «Если кто-либо подложно и против истины узурпирует имя и титул знатности, беря или нося гербы со шлемовыми эмблемами, то судьями он будет присуждён к штрафам и уплате оных...»³ Гербы с запрещёнными шлемовыми эмблемами следовало уничтожить, а виновное лицо присудить к штрафу⁴.

В XVII веке история продолжилась в том же духе⁵. Дижонский парламент в 1607 году осудил ротюрье, поместившего на могиле и в церкви гербы со шлемовыми эмблемами, и присудил ему штраф в 500 ливров, а спустя год тот же парламент за то же самое осудил владельцев баронии Лонгепьер⁶. Эдикт 1634 года грозил штрафом уже в 1000 (!) ливров⁷. Казалось бы, это относилось к неблагогодным, но нет, Парижский парламент в 1663 году подтвердил запрет *gentilhomme* сирю де Лаж (Sieur de Lage) из Ангулема представлять мессиром и рыцарем, а также помещать над своими гербами графскую корону. Более того, суд запретил обладателям земель называть себя баронами, графами и маркизами и самовольно помещать короны в свои гербы. Всем *gentilshommes* было запрещено незаконно брать достоинство мессира и рыцаря, а тем, кто ими вовсе не являлся, – брать качество экойе или добавлять шлемовые эмблемы в свои гербы под страхом 1500 ливров штрафа⁸. Похоже, расширительный запрет отражал не ангулемский казус, а общее состояние, а гербы лишь указывали на проблему. Законодательные акты 1600, 1634, 1656, 1661 годов оказались бессильны прекратить «нестроения» в геральдике, поскольку геральдика, как всегда, была не целью, а отражением. О бессилии говорит и их регулярная повторяемость.

Как гласит преамбула эдикта, в 1614 году французская знать умолила Людовика XIII противодействовать узурпации гербов, в результате чего в 1615 году король учредил должность гербового судьи. Должность предполагала ведение «регистров, в которые вносилось бы имя и гербы знатных лиц, каковые для сей цели должны были предоставить бальи и сенешалям гербы их домов, чтобы [далее] быть отправленными гербовым судьям. Но даже если оные и исполняли эту должность с честью, они не могли, тем не менее, по недостатку власти над бальи и сенешалями сформировать регистры достаточно достоверные, чтобы сохранить блеск гербов великих и старинных Домов, и придать блеск [гербам] других лиц, кто по рождению, обязанностям и должностям, службам или добродетелям вправе были их носить»⁹.

С одной стороны, гербы были у старинной знати – и требовалось защитить (не столько их, сколько иерархизирующий компонент в гербах – шлемовые эмблемы) не от случайных отчаянных узурпаторов, а от весьма многочисленного слоя тех, кто желал гербов, и кто по своим обязанностям, должностям и службам, общекоролевским и местным, имел право их носить. Однако все попытки «легитимизации» гербов и защиты их от узурпаций были бесполезны, поскольку речь шла о покушении на статус, а не на герб. Герб оказывался видимым приятным социальным дополнением; к тому же общественное мнение упорно связывало гербы с привилегированным «благородным» статусом – и от влияния этого мнения не были свободны и узурпаторы, вполне разделившие его.

Вот в какой обстановке возник эдикт 1696 года. При всей несомненности финансовых побудительных мотиваций его появления одновременно он отразил назревавшие в течение века проблемы, среди которых геральдика была показательной, но не главной.

Текст собственно эдикта 1696 года – лишь первый документ в серии законодательного оформления геральдического регулирования 1696–1701 годов.

По замыслу эдикта все, кто имели гербы, обязаны были их зарегистрировать. Эдикт подразумевал создание региональных управлений по гербам, подчиняющихся Главному управлению (Art. 2). Уполномоченные Главного управления на местах регистрируют гербы, принимают плату, вносят герб в местный регистр; затем герб отправляется в Париж, выдаётся отпечатанное типографским способом свидетельство с нарисованным гербом, блazoном, именем или наименованием. Для учёта и контроля создаётся Общий гербовник. Учреждаются должности местных управлений (Art. 3, 4, 5) (кстати, непродаемые¹⁰), определяются их структура и компетенция (Art. 6). Социальный охват адресатов эдикта подразумевался предельно широким – никто не исключался из процесса верификации и регистрации своих гербов. К подлежащим регистрации гербам относились королевские, дофина, королевского дома и «всех лиц, домов и семейств; а равно как оные Провинций, областей с [местными] Штатами, городов, земель и сеньорий и оные [гербы] архиепископств, епископств, капитулов, аббатств, приорств и других бенефициев, компаний, корпораций и сообществ, имеющих право на гербы». Все, кто по должности имели право на гербы (военные, робены, финансисты, буржуа), должны были представить их в местные управления (Art. 8).

Эдикт очень расплывчато пытался очертить круг этих возможных обладателей герба: «Те, кто держат благородные земли и фьеффы, образованные (personnes de lettres) и те, кто по благородству их профессий, искусства или публичным достоинствам имеют ранг чести и различения в государстве, в их компаниях, сообществах, и в общем все, кто будут отмечены на службе короля в его армиях, торговых и других предприятиях» (Art. 9). Также должны быть зарегистрированы гербы исторических областей, провинций, городов, сеньорий и других владений вместе с церковными бенефициями, корпорациями и компаниями (Art. 18).

Король оставлял за собой право новых почётных и различительных добавлений в старинные гербы по представлению должностных лиц Главного управления (Art. 10). Если это старинное дарование герба или его части, то ничего нового в этом не было. Или же предполагалось нечто другое?

После отведённого на регистрацию срока публичное ношение незарегистрированных гербов под угрозой штрафа и конфискации запрещалось (Art. 22). Теми же санкциями уравнивались с ними и узурпаторы гербов, и те, кто после регистрации их менял (Art. 12), что было очень серьёзной геральдической переменой.

Процедура регистрации была прописана (Art. 13, 14, 15). Зарегистрированные гербы расценивались как родовое наследуемое достояние, ими были вправе пользоваться вдовы и наследники (Art. 27).

Особо оговаривалось то, что свидетельство о регистрации не может считаться доказательством знатности (Art. 16). Это важно, поскольку отражает отношение королевской власти к тесно связанному с аноблированием институту герба, к которому корона сохраняла уважение. В марте 1696 года были удовлетворены 500 просьб об аноблировании, в том числе и тех, кто стяжал оное посредством денежных средств, предоставив короне финансовую помощь. Среди прочих привилегий они получили право носить гербы со шлемовыми эмблемами¹¹. Аноблирование, предполагавшее и герб, осуществлялось: 1) по предоставлению знатности (с уплатой 6600 ливров); 2) по членству в королевских орденах: Св. Михаила, Св. Духа, Св. Людовика; 3) по придворной или в королевском управлении должности, лично исполняемой

в течение 20 лет (они тоже продавались); 4) по исполнению городской должности в определённых 40 городах (с уплатой 6000 ливров); 5) по отдельным случаям городских привилегий; 6) по военной службе; 7) по земельному владению, обрётённому покупкой или иным способом благородного фьефа или сеньории, каковую практику попытались запретить в 1579 году; 8) по владению фьефом в течение ста лет или трёх поколений (эдикт 1699 года)¹². В итоге к 1789 году, к началу революции, во Франции насчитывалось около 25 000 семейств знати (340 000 человек, составлявших 1,3% населения Франции того времени), из которых *две трети* стали благородными лишь в XVII–XVIII веках¹³.

Другие статьи эдикта регулировали права, привилегии и финансирование новых должностных лиц¹⁴.

К эдикту прилагалась таблица тарифов за регистрацию гербов: любого лица – 20 ливров; провинций, областей с местными штатами – 300 ливров; городов-центров архиепископств или епископств – 100 ливров, с других городов – 50 ливров; такой же тариф за регистрацию гербов герцогств и пэрств, за гербы графств и маркизатов – 40 ливров, с виконств, баронств и видамий – 30 ливров; сбор за гербы фьефов и земель высшей, средней и низшей юрисдикции – от 18 до 20 ливров; за регистрацию гербов простых фьефов – 15 ливров, за гербы архиепископств, орденов и университетов – 100 ливров, с епископств, кафедральных и монастырских капитулов – 50 ливров, за гербы духовных институций низшего уровня – от 15 до 25 ливров; за регистрацию гербов «корпораций главных компаний» – 100 ливров, за прочие городские ремесленные корпорации, братства и сообщества – от 25 до 50 ливров¹⁵. И напоследок, с характерным для финансового чиновничества изяществом добавлялось: «Помимо оных вышеозначенных сумм надо будет ещё уплатить за первичную регистрацию два соля с каждого ливра стоимости оной»¹⁶.

Плата для лица – 20 ливров – равна месячному заработку рабочего в Париже. Столько же стоила перемена герба с перерегистрацией. Угроза штрафа в 300 ливров и конфискации помеченного гербами движимого имущества гораздо серьёзнее.

Невзирая на угрозы, регистрации не стали многочисленными. И поэтому новое решение Совета короля от 3 декабря 1697 года обязало всех, кто считался способным носить гербы, зарегистрировать их в течение 8 дней. Сюда попали буржуа, торговцы, ремесленники, клирики, горожане, сообщества и прочие, кто никогда и не мечтал носить гербы, а теперь был обязан платить за их регистрацию¹⁷.

Эдикт встретил явное противодействие, и ряд постановлений совета касался его исполнения. Потребовались разъяснения – пришлось отдельно заниматься гербами замужних женщин, регистрацией гербов вдов (Постановление от 22 января 1697 года)¹⁸, объяснять, что «все, кто регистрируют свои гербы в Общем гербовнике согласно эдикту, смогут помещать их на своих каретах, посуде и тому подобном без каких-либо расследований» (Постановление от 19 марта 1697 года), одновременно пришлось запретить злоупотребление золотой геральдической лилией в синем поле¹⁹.

В 1699 году клир пожаловался королю, что уполномоченные без различия заставляют брать гербы и, соответственно, платить. В Постановлении от 27 октября король ответил, что его эдикт «подразумевает только тех, кто взял гербы, а не тех, кто их никогда не имел, и что впредь большая часть кюре и других клириков низшего порядка будут избавлены от платежей»²⁰.

Эдикт предполагал, что геральдические казусы, касающиеся размещения и ношения гербов, будут в первой инстанции подсудны баля и сенешалям²¹, что было попыткой ввести гербы в пространство правовых норм.

В течение двух лет эдикт 1696 года применялся очень строго, со штрафами и арестом имущества. Для части обязанных это оказалось нежеланным и непосильным. Поэтому новое решение королевского совета от 17 декабря 1699 года освободило от регистрации тех индивидов и сообщества, которые были расценены как слишком бедные, чтобы пользоваться гербами. В августе 1700 года версальский эдикт ликвидировал управления и определил (то есть пообещал), что потомки зарегистрировавших гербы не должны будут более участвовать ни в каких новых перерегистрациях²². Практически это означало прекращение регистраций в «Общем гербовнике», которые становились всё реже и окончательно прекратились в 1709–1710 годах²³. Предприятие продлилось 13 лет; его общий финансовый эффект оценивался в 6 млн ливров²⁴.

Почти одновременно с эдиктом увидела свет книга Тибо Кадо «Le Blason de France»²⁵ – верноподданный панегирик эдикту 1696 года, опубликованный, вероятно, не без надежды обратить внимание короны и Людовика XIV на автора как возможного профессионального герольда. На это указывает вторая часть книги, геральдический словарь, по сути – основная, ибо 240 таблиц гербов создавались не второпях. Но гербовые должности продолжали оставаться в руках семьи Озье, и надежды Кадо иметь отношение к «Общему гербовнику» не сбылись. Он опубликовал две, вероятно, им же созданные, инструкции по регистрации гербов по эдикту 1696 года, и они вполне разумны. От написанного характерным бюрократическим языком эдикта язык «Инструкций по регистрации гербов» отличается: он намного проще и вразумительней, несмотря на то что использует целые периоды из эдикта.

«Инструкции» как дополнение к эдикту, созданные «во исполнение оногo», детализируют, в каком виде надо сдавать гербы на регистрацию, и уже из них видно, что рисунок и блазон сосуществуют. «Инструкции» призваны разрешать затруднения, отвечать на вопросы, которые могут возникнуть в процессе непосредственной реализации эдикта. Например, ценно упоминание наряду с гербами о «простых марках (simples marques) или других видах гербов»²⁶. Или уточнение, что гербы регистрируются только по основному щитовому содержанию без всех внешних элементов герба. Отдельную проблему составили брачные гербы, свободное пользование которыми должно было быть по замыслу авторов эдикта запрещено. Вообще запрет на пользование – наряду со штрафными – основная санкция эдикта – это вещь, побуждающая к размышлениям о том, что это – трезвая оценка властью бытования гербов или угроза, связанная с утопическими представлениями о потребности населения в гербах?

Но королевские чиновники явно переоценили рвение подданных короля в деле платного подтверждения гербов, и 3 декабря 1697 года пришлось выпустить указ о составлении списков тех, кто оное рвение проявить обязан, независимо от их стремления к обладанию гербом, а паче такового не окажется – наделить их сей благодатной субстанцией.

В сентябре 1697 года присудили к штрафу пятерых каноников из Дижона, несмотря на представленное ими заявление, что они гербов никогда не имели и не желают оные иметь²⁷. Подобный способ применения эдикта сделал его очень непопулярным, прежде всего среди лиц невысокого статуса. В 1697 году восстали жители двух деревень близ

Байонны, считая это просто увеличением налогов, в чём, собственно, ничуть не ошибались. Аналогичные возмущения произошли в июне-июле 1698 года в Тулоне. Есть примеры публичных отказов регистрировать гербы и платить за это в 1699 году, но все официально представленные отказы были отвергнуты с проявлением большего или меньшего административного рвения²⁸.

Наряду с финансовым итогом важным практическим результатом мероприятий по исполнению эдикта 1696 года стало предусмотренное им создание «Общего гербовника» (*Armorial général de France*), или гербовника Озье, одного из крупнейших в истории геральдики (125 807 гербов). Это 34 тома *in folio* с именами, статусами и блазонами и 35 томов с гербами в цвете, они содержат более 60 000 имён. Гербы расположены по пять на странице, напротив каждого – краткий комментарий, состоящий из родового имени, места проживания, достоинства. Они расположены не в алфавитном порядке, а по порядку регистрации. Гербовник Озье – не идеальное зеркало общества: в нём отсутствует значительное число семейств, чьё благородное происхождение не вызывает сомнений. Более половины гербов в гербовнике оказываются принадлежащими буржуа и торговцам²⁹, а знати – лишь шестая их часть³⁰.

Хранителем гербовника в декабре 1696 года был назначен Шарль-Рене д'Озье (1640–1732). Вероятно, именно ему принадлежит идея систематизации, которая позволяла создавать в местных управлениях гербы целыми сериями: в Амьене все фигуры, вносимые в новые гербы, столб, пояс, перевязь и прочие, были зубчатыми, затем все делались зазубренными и так далее. В Пуатье было много клинчатых, в Дофинэ – составных, в Орлеанэ добавлялись мелкие фигуры: шпорное колёсико, звезда, мерлетта. В Провансе почти все изобретённые в управлениях гербы использовали животных: слонов, медведей, даже носорога. Значительно было число созданных гласных гербов³¹. Одному бретонскому аптекарю дали гербом «в синем поле серебряную спринцовку, сопровождаемую тремя ночными горшками того же металла»³².

Несмотря на неполноту и иные недостатки, это уникальный гербовник и уникальный источник по истории Франции. Гербовник Озье публикуется с конца XIX века, как правило, региональными частями. Объём гербовника таков, что краеведческий подход оправдан. Оправдан он и тем, что новые геральдические и юридические документы, свидетельствующие о практике применения эдикта, обнаруживаются прежде всего в региональных архивах.

Интерес французских гербоведов к эдикту 1696 года никогда не угасал³³ – ему уделяли внимание и Р. Матьё, и М. Пастуро. На посвящённых 300-летию эдикта научных чтениях прозвучали выступления о геральдической правоспособности гербов, гласных гербах в гербовнике³⁴. Эдикт 1696 года сегодня вызывает интерес историков прежде всего в области его практического применения. Это связано с тем, что именно оно лучше, чем любое законодательство, отражает статус герба в обществе и отношение к нему. Этому посвящены работы Д. Дельгранжа по фландрскому шателенству Байёль в 1696–1700 годов³⁵, Н. Верно – по Франш-Контэ³⁶ и другие³⁷.

Эдикт 1696 года интересен не только тем, что содержится в его декларациях, но практикой его применения на местах; он даёт возможность понять отношение к гербам и геральдике во Франции конца XVII века. Ведь это – рубеж, обозначивший те перемены в общественном отношении к гербу, с которыми французская геральдика вступила в XVIII век, столь трагично для неё закончившийся.

Воспроизводил ли эдикт французскую геральдическую реальность конца XVII века? Казначейские мыслители-создатели эдикта 1696 года исходили из того, что в обществе герб считается определённой ценностью. Но по своим последствиям эдикт 1696 года не повысил, а, напротив, понизил статус герба в обществе. Когда за то, что находилось в обыденном пользовании, обязали платить, это, разумеется, произвело самое, мягко говоря, неблагоприятное впечатление и на старинных обладателей гербов, и на тех, кто никогда их не имел.

Как говорил М. Пастуро, «любой мог иметь герб, но не все его имели». Эдикт 1696 года отчасти отразил эту свободу. Попытки зарезервировать гербы только для благородных исходили из коммеморативной концепции происхождения гербов. Спустя немногим более полувека после эдикта корона вернулась к этой идее в отвергнутом Ордонансе 1760 года. Вплоть до 1793 года геральдической правоспособностью обладали, как в Средние века, все³⁸, но спустя всего век после эдикта, во времена Французской революции, за обладание тем, за что в 1696 году заставляли платить, стали карать.

Привязать гербы исключительно к благородным было трудно, во Франции во всяком случае. Эдикт 1696 года при всей фискальной мотивации своего появления отразил глубокую сущность восприятия герба в европейском обществе на исходе существования исторической геральдики, а именно – его принципиальную внесловную доступность. Именно на этой основе можно было попытаться навязать гербы всем, в том числе и тем, кто был от них далёк и изрядно равнодушен к ним. Это главное.

Эдикт отразил комплекс проблем, накопившихся во Франции к концу XVII века: адекватной репрезентации, отношений короны и знати, аноблирования, узурпации герба и статуса и так далее. Государство стало другим, и средневековая гербовая вольница перестала соответствовать новой концепции государства.

Фискальная подоплёка эдикта 1696 года никем не оспаривается. Но и с фискальной точки зрения эдикт стал выражением абсолютистского «равенства»: платить должны все. По-разному, но все, и деньгами, а не какой-то «кровью», как средневековая знать. Так что в эдикте вполне можно усмотреть попытку переустроить средневековое наследие в абсолютистском государстве. И именно таким может быть тот общественный, уже не финансовый механизм, которым удалось воспитать нелюбовь к столь банальной, в полном смысле слова, вещи, как гербы. Его продолжением станет неудачный Ордонанс 1760 года – последняя попытка достичь государственного управления родовыми и личными гербами и предельное выражение той государственной политики, что спустя 30 лет породит ненависть к гербам во всех слоях населения революционной Франции.

¹ *Pastoureaux M.* Traité d'héraldique. Paris, 1993. P. 68.

² *Mathieu R.* Le système héraldique français. Paris, 1946. P. 49.

³ *Brillon P.-J.* Dictionnaire de jurisprudence et des arrêts, ou Nouvelle édition du Dictionnaire de Brillon / 7 t. Lyon, 1781–1788. T. 6 : 1787. P. 537.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Mathieu R.* Le système héraldique français. P. 60, 70.

⁶ *Brillon P.-J.* Dictionnaire de jurisprudence et des arrêts. P. 537.

⁷ *Ibid.* P. 538.

⁸ Arrêt de Règlement du parlement de Paris, du 13 août 1663 // *Brillon P.-J.* Dictionnaire de jurisprudence et des arrêts. P. 538.

⁹ Recueil des édits, déclarations, lettres patentes, arrests et règlements du roy, registrés en la Cour du Parlement de Normandie, depuis l'année 1683 jusqu'en 1700. Avec deux tables, l'une

- chronologique, & l'autre alphabétique. Rouen, Impr. N. & R. Lallemand, 1755. P. 643.
- ¹⁰ *Mathieu R.* Le système héraldique français. P. 59.
- ¹¹ Edit du Roy, portant Annoblissement de cinq cens Personnes dans le Royaume // Recueil des edits. P. 563, 564.
- ¹² *Valero de Bernabé y Martín de Eugenio L.* Heráldica y nobiliaria francesa // *Hidalgos: la revista de la Real Asociación de Hidalgos de España*, N° 540, 2014. P. 24–30. URL: <https://bghyn.com/archivo/heraldica-y-nobiliaria-francesa-noblesse-et-heraldique-francaise/> (дата обращения: 09.11.2019).
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Recueil des edits. P. 643–647.
- ¹⁵ Ibid. P. 647, 648.
- ¹⁶ Ibid. P. 648.
- ¹⁷ *Pastoureaux M.* Traité d'héraldique. P. 69.
- ¹⁸ *Brillon P.-J.* Dictionnaire de jurisprudence et des arrêts. P. 540.
- ¹⁹ Ibid. P. 540.
- ²⁰ Arrêt du conseil du 27 octobre 1699. P. 540.
- ²¹ *Mathieu R.* Le système héraldique français. P. 56.
- ²² Ibid. P. 72, 87.
- ²³ *Pastoureaux M.* Traité d'héraldique. P. 69.
- ²⁴ *Valero de Bernabé y Martín de Eugenio L.* Heráldica y nobiliaria francesa.
- ²⁵ *Cadot Th.* Le Blason de France, ou notes curieuses sur l'Edit concernant la Police des armoiries. Paris, 1697. P. 155–162.
- ²⁶ Instruction concernant l'enregistrement des armoiries; en exécution de l'édit de novembre 1696... Actes Administratifs, [novembre 1696] // Bibliothèque nationale de France, département Droit, économie, politique, F-21050 (18). URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8601826v/f1.image.r=Edit%20novembre%201696> (дата обращения: 06.12.2015). P. 1, 2.
- ²⁷ *Mathieu R.* Le système héraldique français. P. 85.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ *David de Saint-Georges A.* Avant-propos // *Armorial général dressé en vertu de l'édit de 1696: Armorial général de France, généralité de Limoges...* / Publ. par J. Moreau de Prævieux. Dijon, 1895. P. XI, XII.
- ³⁰ *Valero de Bernabé y Martín de Eugenio L.* Heráldica y nobiliaria francesa.
- ³¹ *Mathieu R.* Le système héraldique français. P. 81.
- ³² *Pastoureaux M.* Traité d'héraldique. P. 69.
- ³³ *Trevedy J.* Sur l'armorial de 1696. Vannes, 1907; *Bouvet P.* L'édit de novembre 1696. Paris, 1962.
- ³⁴ L'Armorial general de 1696: une source méconnue de l'histoire sociale et institutionnelle de la France d'Ancien Régime. Actes de la Table ronde à Paris, 23 novembre 1996 // *Revue française d'héraldique et de sigillographie*. Paris, 1998. T. 67–68.
- ³⁵ *Delgrange D.* L'application de l'édit de 1696 dans la Châtellenie de Bailleul (1696–1700). Difficultés, atermoiements et particularisme / Préface de N. Vernot. Wasquehal, Association Généalo 59, 2017. URL: <https://www.genealo.net/boutique-publications.php> (дата обращения: 10.11.2019).
- ³⁶ *Vernot N.* L'armorial Général de 1696 et son application en Franche-Comté : Mémoire et documents. [S. l.], 2003.
- ³⁷ *Ciaudo P.-J.* L'histoire de la capacité héraldique ou l'inadéquation du logos et de la praxis // *Revue française d'héraldique et de sigillographie*. 1997–1998, n°67–68 (Actes de la journée d'étude du tricentenaire de l'édit de 1696. Paris, 1996. P. 21–38; *Loskoutoff Y.* Entre la gloire et la bassesse: Les armes parlantes dans l'Armorial général de Louis XIV // Idem. P. 39–62.
- ³⁸ *Pastoureaux M.* Traité d'héraldique. P. 70.